

ОЛИВЕР ГОЛДСМИТ

Песня

(из «Уэйкфильдского священника»)

Когда заблудшее созданье
Поймет: мужнины неверны,
Как ей смягчить свой страданья,
Чем смыть пятно своей вины?

Чтобы избежать мук позора,
Чтоб сердце ветреника впредь
Язвили совести укоры,
Одно есть средство — умереть.

РОБЕРТ БЕРНС

Молодая жена и старый муж

Ох, влипла я, влипла — аж плакать охрипла!
Взбрело же мамаше просватать меня
За старого хрена с мощной до колена,
За старого хрена, трухлявого пня!

Всю ночь он вздыхает, Создателя хает,
Чихает и кашляет возле огня.
Дрожит он и дрожит, не может, а хочет —
Ну много ль мне проку от старого пня?

И как я ни прыгай под мерзким сквалыгой,
А все без попреков не минет и дня:
Мечтаю, мол, лежа, о ком помоложе...
Ну как тут не взвоешь от старого пня!

Но тетушка Женни вошла в положение.
Она, в добрый час, вразумила меня,
Чтоб руганью бойкой и частою койкой
Я вусмерть заездила старого пня!

ЗЕЛЕННЫЙ МОХ ПОД ЕЛКАМИ

Зеленый мох под елками.
Зеленый мох под елками.
Что нужно парню в двадцать лет?
Покувыркаться с телками!

Вся наша жизнь, куда ни глянь,
Полна трудами столькими.
Она и впрямь была бы дрянь,
Когда б не скачки с телками.

Почтенный люд к монете лют
До самой крайней крайности.
И я могу сшибить деньгу,
Да только что в ней радости?

Но ты мне дай стакан вина
Да телку попокладистой,
И все вокруг пошлою я на
Заради этих радостей!

Не вам, ослиным головам,
Донять меня подколками —
На что умен был Соломон,
И тот водился с телками.

Господь не зря, сей мир творя,
Корпел ночами долгими
И, лишь на глаз сварганив нас,
Рискнул заняться телками!

ТАМ, ЗА РЕКОЙ, В ЧУЖОМ КРАЮ

Нарядных платьев не ношу,
Брожу одна и слезы лью.
Веселый парень, наш сосед, —
Там, за рекой, в чужом краю.

Не с гор холодные ветра
Приносят мне печаль свою.
Кого люблю, того здесь нет.
Он за рекой в чужом краю.

Отец из дома гонит прочь,
Мол, осрамила всю семью,
А тот, кто мог бы мне помочь, —
Там, за рекой, в чужом краю.

Он мне перчатки подарил,
Их пуще глаза я хранию,
Ведь нынче нет его со мной,
Он за рекой в чужом краю.

Зима пройдет. Зеленый май
Спешит на смену февралю.
С малюткой-сыном встречу я
Того, кто был в чужом краю.

ЗА ДЕВКУ С ХОРОШИМ ПРИДАНЫМ

На кой мне, милашка, твоя красота?
В два счета сожрет красоту нищета.
Ты дом мне подай, чтоб другим не чета,
Да лавку с добром, да овечек полста.

За девуку с хорошим приданым!
За девуку с хорошим приданым!
Так выпьем за девуку с приданым,
И к черту смазливую голы!

Как хрупкая роза, девичья краса
Увянет быстрее, чем на солнце роса,
Но лишь хорошеют луга и леса,
Коль в собственность нам их пошлют небеса.

Хоть по сердцу мне твоя пышная стать,
Но можно порой от любви и устать.
А с душкой Георгом¹ — всегда благодать,
Им ночью и днем я готов обладать!

¹ Имеется в виду Георг III, английский король, изображение которого было вычеканено на золотых монетах того времени.

ПРОЩАНИЕ МАКФЕРСОНА¹

Прощай, тюряга! Не стерплю
Я твой поганый норов!
Уж лучше голову в петлю,
Чем гнить в вонючих норах!

На казнь шел с песней Макферсон —
Ему, мол, нипочем!
Плясал под виселицей он,
Глумясь над палачом!

Мне смерть — пустяк. Не раз в гостях
Я был у этой твари.
Кровав мой путь — так мне ль струхнуть
И ей не плюнуть в харю?

Эх, мне бы вдруг да пугы с рук,
А в руки — меч мой лютей!..

¹ Ни в коем случае не отрицая поэтических достоинств известного перевода С. Маршака, хотелось бы заметить, что в его интерпретации Джеймс Макферсон — в реальной жизни жестокий бандит и убийца, предводитель разбойничьей шайки, грабившей и разорявшей крестьян на северо-востоке Шотландии, — вольно или невольно изображен чуть ли не героем национально-освободительной борьбы, чего, разумеется, не было ни в действительности, ни в фольклорных балладах, ни в самом стихотворении Р. Бернса.

Храбрец любой, что примет бой,
Здесь ляжет в полминуты!

Но умный враг не ищет драк,
Меня не в драке взяли.
Донес один продажный пес...
Жаль, встречусь с ним едва ли...

Мой пробил час. В последний раз
Гляжу на свет на белый,
А тот, кто трус, мотай на ус,
Как должен слохнуть смелый!

КРАСАВЧИК ЧАРЛИ

Однажды в понедельник,
Гроза окрестных гор,
Забрел к нам Чарли в городок,
Мой старый ухажер.

Ах, Чарли, он красавчик!
Красавчик, красавчик!
Ах, Чарли, он красавчик,
Мой старый ухажер!

По нашей улице он шел
Близ дома моего,
А из окна красотка Мэг
Глазела на него.

Взлетел он по ступенькам
И позвонил в звонок.
Она, чтоб дверь ему открыть,
Бежала со всех ног.

Наряд шотландский был на нем,
А значит, в тот же миг
Он на колени нашу Мэг
Сажает, озорник.

В горах — зеленый вереск,
В лугах — болиголов.
С тех пор я больше не хожу
Одна доить коров.

ДЖЕНТЛЬМЕНУ, БЕСПЛАТНО ПРИСЛАВШЕМУ МНЕ ГАЗЕТУ
С ОБЗОРОМ ПОСЛЕДНИХ НОВОСТЕЙ
И ПРЕДЛОЖИВШЕМУ ДЕЛАТЬ ЭТО И В ДАЛЬНЕЙШЕМ

Любезный сэр, даю вам слово,
Мне впрямь все это было ново,
Но как, откройте мне секрет,
Вы поняли, что много лет
Мечтал я знать не понаслышке
Голландцев грязные делишки?
Какую пакость иль конфуз
Готовит нам подлец француз?
Чем дышит старый пес Иосиф¹,
В трудах амурных обезносов?
Не вздумал ли примерить швед
Обноски Карловых побед?
Куда весь датский тонор делся?
С кем Рим кастрированный спелся?
Кто нынче в Польше правит бал?
Как русский турку навтыкал?
Где навонял пруссак-засранец?
Где снова маху дал испанец?
А дома? Что там при дворе?
Кто — под ковром, кто — на ковре?

¹ Австрийский император Иосиф II (1741–1790).

Там — исцели его Всевышний —
Король Георг еще не лишний?¹
Не сдох ли часом Вилли Четэм²,
Вняв Чарли-олуха³ советам?
Явил ли старый Берк⁴ сноровку,
Плетя для Гастингса⁵ веревку?
Дозрел ли наш парламент, чтоб
Вести налоги с голых жоп?
Не остаются ли внакладе
Хлыщи, пройдохи, сводни, бляди?
Наш принц Георг⁶, дурак и фат,
Как прежде, каждой дырке рад
Иль, поумерив страсть к соитию,
Не блещет больше конской прытью?
Без вас я (тысяча чертей!)
Не знал бы этих новостей
И, посылая их обратно,
Жму вашу руку многократно!

¹ В 1788–1789 годах у английского короля Георга III появились первые признаки душевной болезни, и на некоторое время он был даже отстранен от престола.

² Бернс путает Уильяма Питта-младшего с его отцом Уильямом Питтом-старшим, носившим титул лорда Четэма.

³ Чарльз Джеймс Фокс (1749–1806) — английский парламентарий и политический деятель, убежденный оппонент короля Георга III, идеолог британского либерализма.

⁴ Эдмунд Берк (1729–1797) — английский философ.

⁵ Уоррен Гастингс (1732–1818) — генерал-губернатор Индии, находившийся в момент написания стихотворения под судом за служебные злоупотребления.

⁶ Будущий король Англии Георг IV (1762–1830).

МОЛИТВА БЛАГОЧЕСТИВОГО ВИЛЛИ¹

И благочестье избранным дарит...
А. Поп

О Ты, пред коим смертный — тля,
Одной лишь вящей славы для
Ты, муки чад своих не для,
Шлешь в рай иль в ад их,
Отнюдь на правых не деля
И виноватых!

Ты днес возвал ко мне: «Рассей
Безверья мрак в юдоли сей!»
И аз, лукавый фарисей
И небезгрешный,
Пылаю факелом для всей
Окрути здешней.

А стою ль я Твоих щедрот?
Ведь кто я есть? Всего лишь тот,
Чей низкий и преступный род,

¹ Благочестивый Вилли (Уильям Фишер) был смотрителем нравственности в приходе Мохлина. Процесс, затеянный им против нотариуса Гэвина Гамильтона по обвинению в «неуважении к церкви», был проигран благодаря таланту адвоката Эйкена.

Взалкавший срама,
Ты проклял на века вперед
В лице Адама.

Чуть из утробы я на свет,
Ты мог бы сразу (спору нет!)
Меня упечь на много лет
Во пламень ада,
Где был бы знатно я прогрет
С боков и с зада.

Но Ты простил меня, и вот
Столпом я встал под Храма свод,
Тверд, как скала средь бурных вод,
В штормах и громах,
Пример, наставник и оплот
Для стад пасомых.

Готов вседневно я карать
Охочих выжрать, и пожрать,
И песни пьяные орать
В бесовском раже.
С такими рядом я и срать
Не сяду даже!

Но под какой упрячешь спуд
И в мыслях блуд, и в чреслах зуд,
Когда мне похоть дыбит уд
Неимоверно?
О плоть людская, ты — сосуд
Греха и скверны!

Вчера, к примеру... С этой Мэг...
Увлекся... Завалил на снег...
Слаб, слаб презренный человек!..
Но верь мне, Боже,
Зарека с нею я навек
Срамиться лежа!

А в прошлый пост?.. Я Лиззи хватя
И ей три раза!.. Что скрывать?..
В тот день мне, правда, поддавать
Пришлось помногу,
А то б зазвать ее в кровать
Не смог, ей-богу!

Но если Ты, благой Господь,
Явля алчною нашу плоть,
Мнишь в нас гордыню побороть,
То, без сомненья,
Готов и впредь грешить я вплоть
До посиненья!

Нас много в праведном строю
Радетелей за честь Твою,
Но ведай: есть у нас в краю
И маловеры,
Что славных слуг Твоих семью
Чернят без меры.

Вот Гамильтон — картежник, мот,
Хулит Творца, как лошадь пьет,
Но что-то в нем людей влечет,

А в результате
Вослед за ним и весь приход
Погряз в разврате.

Когда же вразумить слегка
Решили мы отступника,
То он, схватившись за бока,
Ржал без умолку.
Забей, Господь, его быка,
Козу и телку!

А все разнuzданный правед
Эйширских липовых святош!
За их безверие, и ложь,
И нрав иудий
Испепели и уничтожь
Двуличных судей!

Там Эйкен пуще всех радел.
О Боже, как я перебдел,
Когда в суде пред ним сидел
Весь в липкой дрожи,
А старый лис хвостом вертел
И строил рожи!

Господь, мольбе моей внемли:
Казни злодея, в прах смели,
Рассып, сотри с лица земли
И в довершенье
В теенье огненной спали
За прегрешенья!

Меня ж нетленными согрей
Дарами щедрости Твоей
(И тленных тоже не жалей)
И не огринь
Хвалы моей густой елей.
Аминь! Аминь!

СТИХИ НА ВСТРЕЧУ С ЛОРДОМ ДЭЙРОМ

Пусть знает весь честной народ:
Я, Робин, сельский рифмоплет,
Подался в гору твердо
И двадцать третьего числа
Меня фортуна вознесла
Отужинать у лорда.

Я меж акцизных пил писцов,
С попами пил, в конце концов!
Был даже зван на сходки
Виднейших сквайров наших мест,
А сквайр, когда он пьет и ест,
И пьет, и ест в три глотки.

Но с лордом? С пером? Нет, я горд!..
Ведь дед был лорд, отец был лорд
И сам он лорд по праву,
Каких не сыщешь днем с огнем —
Почти два эла¹ росту в нем,
Не говоря про славу.

¹ Шотландская мера длины, составляет примерно 94 сантиметра.

(О Хогарт¹, кисть твоя легка,
Но с тяжким взглядом мужика,
Что загулял в хоромех,
Утром, неловок и несмел,
Чурбан чурбаном ты сидел
У знати на приемах!)

И вот, усевшись в уголок,
Я начал в лорде под шумок
Отыскивать изъяны,
Но тщетно: был он оживлен,
Раскован, весел и умен,
И скромен, как ни странно.

Я ожидал увидеть здесь
Высокомерье, чванство, спесь
И гонор всем известный,
Но если суд мой справедлив,
Наш лорд не больше был чванлив,
Чем сельский пахарь честный.

Так мне их светлость дал урок,
Что знатность рода — не порок
И корень зла — не злобо.
И коль, верша по жизни путь,
Ты встретишь Дэйра где-нибудь,
То знай, что встретил брата.

¹ Очевидно, имеется в виду Уильям Хогарт (1697–1764) — английский художник, основатель национальной школы живописи, иллюстратор, автор сатирических гравюр.

ПЕРСИ БИШИ ШЕЛЛИ

УВЯДШЕЙ ФИАЛКЕ

I

Она уж больше не хранит
Твоих лобзаний аромат.
Поблекший цвет ее и вид
Мне о тебе не говорят.

II

Суха, бестрепетна, мертва,
Она лежит в руке моей,
И все, чем боль моя жива,
Теряет форму вместе с ней.

III

Ей вздохи не волнуют грудь,
Рыдания — не тревожат сна.
О сердце раненое, будь
Немым и кротким, как она!